

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ЗАМЕТКИ (с рабочего стола социолога)

© 1992 г.

Г.С. ДЕНИСОВА

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ КАК ФАКТОР НАПРЯЖЕННОСТИ В ГОРОДЕ

ДЕНИСОВА Галина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент Ростовского-на-Дону государственного педагогического института. В нашем журнале публикуется впервые.

Исследование факторов социальной напряженности, как правило, строится на анализе общественного мнения населения по тем или иным проблемам. При этом традиционно просматривается связь двух сторон: населения и органов власти. Все предшествующие десятилетия их взаимоотношения основывались на пассивности горожан и относительной однородности их состава, и по существу, тождественности интересов обывателей (обеспечение водой, электроэнергией и т.д.).

Происшедшие перемены в стране — развитие негосударственного сектора экономики, либерализация цен, разбалансированность централизованного управления промышленностью, — повлекли за собой разрушение мнимого «единства» общества. В настоящее время дифференциация городских жителей на определенные социальные группы является самостоятельным источником формирования атмосферы напряженности.

Изучение социальной обстановки в Ростове-на-Дону предполагало проведение опроса жителей относительно различных проблем городской жизни. Он проводился с 25 февраля 1991 г. по 10 января 1992 г. Было опрошено 730 человек по репрезентативной для города выборке (половой состав, поселенческая структура и состав занятых). Допустимая погрешность составила 5%.

Анализ общественного мнения горожан по целому ряду вопросов показал, что различие позиций зависит не от традиционно учитываемых критериев дифференциации — половых, возрастных, профессиональных, образовательных, а определяется прежде всего сферой занятости (в чем опосредованно проявляется отношение к собственности).

Иерархия характеристик, на базе которых формируются социальные группы, выстраивается следующим образом: сфера занятости, разделение труда на исполнительский (физический и умственный) и управленческий, уровень квалификации и образование.

Сфера занятости, выдвинувшаяся на первый план в процессе социального расслоения, сейчас представляет собой три сектора экономики — государственный, кооперативный и частный. Каждый из них сохраняет внутреннее деление занятых на реальных собственников, управленцев и наемных работников (часто две из этих характеристик совпадают); сохраняется также и дифференциация по профессиональному принципу. Однако на первый план в обществе в целом выдвинулись не эти внутренние различия, а разделение фундаментальное — на занятых в государственном и негосударственном секторах экономики.

Негосударственные предприятия подразделяются на кооперативные, частные и акционерные. Кроме того, социальная группа занятых на этих предприятиях внутренне неоднородна, прежде всего, по отношению к собственности. Но в обществе она высту-

пает достаточно единой, что объясняется не только более высоким заработком, но также уязвостью этой группы и общей проблемой выживания сектора в настоящее время.

Занятым в государственном секторе значительно меньше свойственно единство. Здесь условно можно выделить три слоя работников: сферы управления (на том его уровне, где принимаются решения); сферы торговли и обслуживания (распределительный уровень); занятые непосредственно производством: материальным и духовным.

Итак, в госсекторе при равном, на первый взгляд, отношении к собственности, происходит дифференциация по функциональному признаку труда — на «управленцев», «распределителей» и «трудящихся».

Исполнительский труд, особенно в сфере материального производства, часто оплачивается значительно выше, чем в торговле и немного уступает оплате среднего и высшего управленческих звеньев (так называемая «номенклатура»).

Однако, как известно, «управленцы» обладают своей системой жизнеобеспечения (здоровье, жилье, общепит, торговля и др.), которой пользуются согласно должностному статусу. Занятые в сфере торговли, в силу непосредственного участия в системе распределения (при неработающем пока рыночном механизме), также обладают большими возможностями «теневого» перераспределения жизненных благ в свою пользу.

Социологическое изучение реального расслоения городского населения затруднено принятыми в нашей стране методами статистического сбора материалов. Например, количество квадратных метров жилой площади на человека можно определить лишь в среднем по району, а не по социальным группам или типу жилья. Отсутствуют данные по уровню материального дохода различных групп населения. Там же, где приводятся, речь идет о среднем уровне дохода на район или отрасль промышленности. Но даже при этой системе сбора материалов можно найти индикаторы, показывающие неравные условия жизни различных социальных групп. К ним могут отнести, например, географию расселения социальных групп в городе, качество жилищных условий, уровень телефонизации квартир. Так, в Кировском и Ленинском районах при равных основных условиях — центр города, старый жилой фонд, большое количество коммуналок и т.д. на то же количество занятых в общественном производстве приходится 1/3 больше управленцев (на 1/6 больше работников торговли).

Различие в социальном составе районов сказалось на качественной характеристике их жилищных условий. В Кировском 65,4% населения проживают в изолированных квартирах, при этом 5,8% из них занимают четырехкомнатные (самый большой процент таких квартир в городе). В Ленинском — только 52,2% жителей занимают изолированные квартиры, и только 4% из них — четырехкомнатные. В целом, если сравнивать близкие по численности и времени заселения районы, то четко просматривается зависимость качества жилья (а также культурной и коммунальной инфраструктур) от социального состава жителей. Об этом свидетельствует и уровень телефонизации квартир.

Можно констатировать, что начавшаяся экономическая реформа вызвала процесс «нормального классообразования»: развивается тенденция социальной дифференциации по принципу разного отношения к собственности. Она приводит к формированию социальных групп на основе разных секторов экономики — госслужащие и занятые в негосударственном секторе. В Ростове эти группы резко отличаются друг от друга: в госсекторе занято около 90%, на негосударственных предприятиях на 1 января 1991 г. было занято вместе с совместителями 72137 человек (10%). Структурно негосударственный сектор занятости строится по подобию государственного. Здесь также есть предприятия, занимающиеся материальным и духовным производством, строительством, торговлей, транспортом, обслуживанием и проч. На 1 января 1991 г. только 21,3% были заняты на предприятиях, выпускающих товары народного потребления. Все остальные — в сфере обслуживания, торговли, посредничества, строительства, медицины, общепита.

Иначе говоря, в поле зрения жителей города находятся, прежде всего, кооперативы и частный бизнес, не производящий потребительские товары. Заметим, что почти все опрошенные различают предпринимателей и работающих по найму у предпринимателей (кооператоров). Однако рост благосостояния отмечают и у той, и у другой

подгруппы данного сектора экономики (70—80% респондентов отметили улучшение уровня жизни за последние годы у предпринимателей, 50—60% — у работающих по найму в негосударственном секторе). Эта оценка соответствует и самооценке занятых в данном секторе экономики — 73,7% и 63,2% соответственно. Занятые в госсекторе (безотносительно к характеру труда, уровню образования и возрасту) собственное материальное положение оценили как ухудшающееся (62—72% занятых в бюджетных организациях, 38—48% — на хозрасчетных предприятиях). Сравнительная оценка приводит к однозначному выводу: от экономических реформ занятые в государственном секторе потерпели материальный ущерб, в массе их уровень жизни значительно снизился. Результаты такого сравнения на социально-психологическом уровне рождают чувство социальной несправедливости, что отражается прежде всего на изменении характера взаимоотношений социальных групп. Формируется фон скрытой конфликтности. При опросе горожан обнаружился высокий процент (20,8) людей, испытывающих неприязнь к преуспевающей социальной группе — кооператорам и предпринимателям. При этом особенно велико это чувство у группы занятых неквалифицированным физическим трудом на госпредприятиях (38,9%). Обращает на себя внимание и тот факт, что причину этой неприязни и конфликтности на бытовой почве сами респонденты усматривают в различии в материальном положении (19% респондентов, из госсектора среди неквалифицированных работников, занятых физическим трудом — 33,3%).

Потенциальный конфликт зреет не только между группами, формирующимся на базе разных секторов экономики, но и внутри самого госсектора. Выше отмечалось, что он неоднороден и в нем выделяются не столько разные профессиональные, сколько различные функционально-производственные группы: управленцы, трудящиеся (исполнители) и распределители. Чувство неприязни к управленцам среди трудящихся госсектора испытывают 19,0% опрошенных, среди кооператоров — 18,4%; неприязнь к работникам торговли и сферы услуг испытывают соответственно 41,5% и 23,7%.

Анализ мотивов неприязни к этим группам дает следующую иерархию. По отношению к управленцам на первое место выходит различие в культурном уровне (40,4%), на второе — различие в материальном положении (33,3%), на третье — разница в ценностных ориентациях (31,6%). Любопытно, что та же иерархия указывается респондентами и по отношению к занятым в сфере торговли: 43,2% указали на разный уровень культуры, 25,8% — на различие ценностных ориентаций, 25% — на различие в материальном положении.

Третья область социальной напряженности в городе формируется в сфере межнациональных отношений. Ростов исторически сложился как город, расположенный на пересечении торговых путей в южных окраинных землях России. Близость чрезвычайно пестрого в этническом отношении Северного Кавказа, а также торговля, как фактор, определяющий развитие города, обусловили многонациональный состав Ростова и области.

Отсутствие традиции социологических исследований социальных, политических, нравственных ориентаций населения города не позволяет зафиксировать возникновение и существование постоянного фона или вспышку национальной неприязни в общественном сознании. Однако проведенный опрос дает возможность отметить достаточно высокий уровень неприязни к лицам некоренных национальностей. Таковую неприязнь отметили 21,6% (несколько более 1/5 части). Интересен социальный состав данной «психологической общности» горожан. Это чувство свойственно в большей степени людям молодым и среднего возраста, чем тем, кому за 50 (25% против 14,7%). Среди лиц с высшим образованием его испытывают почти в два раза реже, чем в среде такого образования не имеющих (16,2% против 27,8%). Примечательно и то, что различие в характере труда не оказывает существенного влияния на эту общность, чего нельзя сказать о сфере занятости. В группе, занятой «неформальной экономикой» (кооператоры, частный бизнес), против лиц некоренных национальностей высказались 18,4% опрошенных, а среди занятых в госсекторе — 22,9%.

Социальные характеристики данной группы горожан можно объяснить, исходя из мотивации негативного отношения к некоренным национальностям и мест потенциального конфликтного контакта этих групп. Как показывает опрос, конфликтность воз-

никает прежде всего в бытовой сфере (транспорт, улица, рынок, магазин) и сфере обслуживания. Это отметили соответственно 59,7% и 28,6%. Примечательно, что 22,1% респондентов испытывают эту неприязнь, не вступая в непосредственный контакт с представителями некоренных национальностей. Структура мотивации напряженности на национальной почве такова: на первом месте различие в культурном уровне (40,3%); на втором — в материальном положении (30%); затем отмечаются общая агрессивность между людьми (18,2%), различие в политических взглядах (14,3%) и ценностных ориентациях (11,7%).

Итак, выделим три типа социальных отношений, потенциально ведущих к конфликтам среди различных групп горожан:

- между занятыми в государственном и негосударственном секторах экономики;
- между управленческим слоем и госторговлей, с одной стороны, и «трудящимися», к которым примыкает значительная часть занятых вне госсектора, — с другой;
- между частью коренных горожан и лицами некоренных национальностей.

Мотивируется конфликтность во всех трех случаях однотипно: на первом плане — разный уровень культуры, на втором — материальное благосостояние, на третьем — разные ценностные ориентиры. Думается, что важнейшим объектом зреющих конфликтов выступает во всех случаях стремление людей к обретению высокого социального статуса, обеспечивающего такой уровень материального дохода, который предоставляет лучшие условия жизни. В силу различного положения трех основных производственных групп в современной экономической ситуации, каждая из них имеет собственные представления о том, как этого можно достичь. Отсюда фиксируемое в общественном сознании различие ценностных ориентаций, присущих каждой из них.

Сейчас в наихудшем положении оказывается максимально большая группа — «трудящиеся» госсектора. Причина прежде всего в том, что данная группа не в состоянии естественным путем самостоятельно изменить свой статус. Аналогичный статус и определяемый им уровень доходов с неизбежностью приводит к ухудшению структуры и качества питания, жилищных условий, возможностей качественного медицинского обслуживания и т.д. Параллельно дифференциации общества на богатых и бедных усиливается требование «справедливого раздела» имеющегося в обществе или у других групп богатства, формируется установка, оправдывающая насильственные действия в этом направлении. Анализ общественного мнения в городе накануне и в первые дни либерализации цен показал психологическую готовность людей к таким действиям. Еще до «обвального» роста цен в январе 57% опрошенных горожан считали необходимой мерой для улучшения ситуации установление жесткого контроля за распределением продуктов и ростом цен.

Опрос показывает и то, что наиболее вероятно спровоцирует вспышку: либо недоступно высокая цена на продукты питания (21,4%), либо безработица (22,4%). Все остальные городские проблемы при всей их остроте более терпимы.

Теоретические разработки конфликтологов и реализация их рекомендаций соответствующими управленческими структурами показывают, что не всегда напряженность между группами может перерасти в открытый конфликт. Многое зависит от умения политического руководства выстроить такую стратегию развития социальных отношений, которая снимает напряженность между группами или способствует этому.